

УДК 72.03

Брумфилд У.К.

Азиатские мотивы в церковной архитектуре Сибири в XVIII веке

Asian motives in church architecture of Siberia in XVIII

Русские связи с азиатскими народами и культурами представляют тему, границы которой еще не исследованы, особенно во взаимоотношениях русской и азиатской архитектур. Настоящая статья не пытается дать детальную картину этой обширной темы русско-азиатских отношений, но отмечает специфические примеры, главным образом в сибирской церковной архитектуре XVIII века, которые указывают на восприимчивость России к восточноазиатскому декору.

Ключевые слова: *Сибирь, Тобольск, Бурятия, русская церковная архитектура, буддистская архитектура*

Russian communications with the Asian people and cultures represent a theme which borders are not investigated yet, especially in mutual relations of Russian and Asian architecture. The present article does not try to give a detailed picture of this extensive theme of the Russian-Asian relations, but marks specific examples, mainly in the Siberian church architecture of a XVIIIth century which specify in a susceptibility of Russia to the East Asian decor.

Key words: *Siberia, Tobolsk, Buriatia, Russian Orthodox church architecture, Buddhist architecture*

Русские связи с азиатскими народами и культурами представляют тему, границы которой еще не исследованы, особенно во взаимоотношениях русской и азиатской архитектур. Как артефакт, требующий значительных ресурсов, равно как и строительного искусства, архитектура базируется на множестве факторов, имеющих отношение к общественной, экономической и культурной истории. Настоящая статья не пытается дать детальную картину этой обширной темы русско-азиатских отношений, но отмечает специфические примеры, главным образом в сибирской церковной архитектуре XVIII века, которые указывают на восприимчивость России к восточноазиатскому декору. Вероятно, рост торговли с Восточной Азией (особенно с Китаем) создал возможности для заимствований в архитектуре, в частности, декоративных мотивов, которые

БРУМФИЛД Уильям Крафт, д.слав.яз., профессор славистики Университета Тулейна, (г. Новый Орлеан, США)

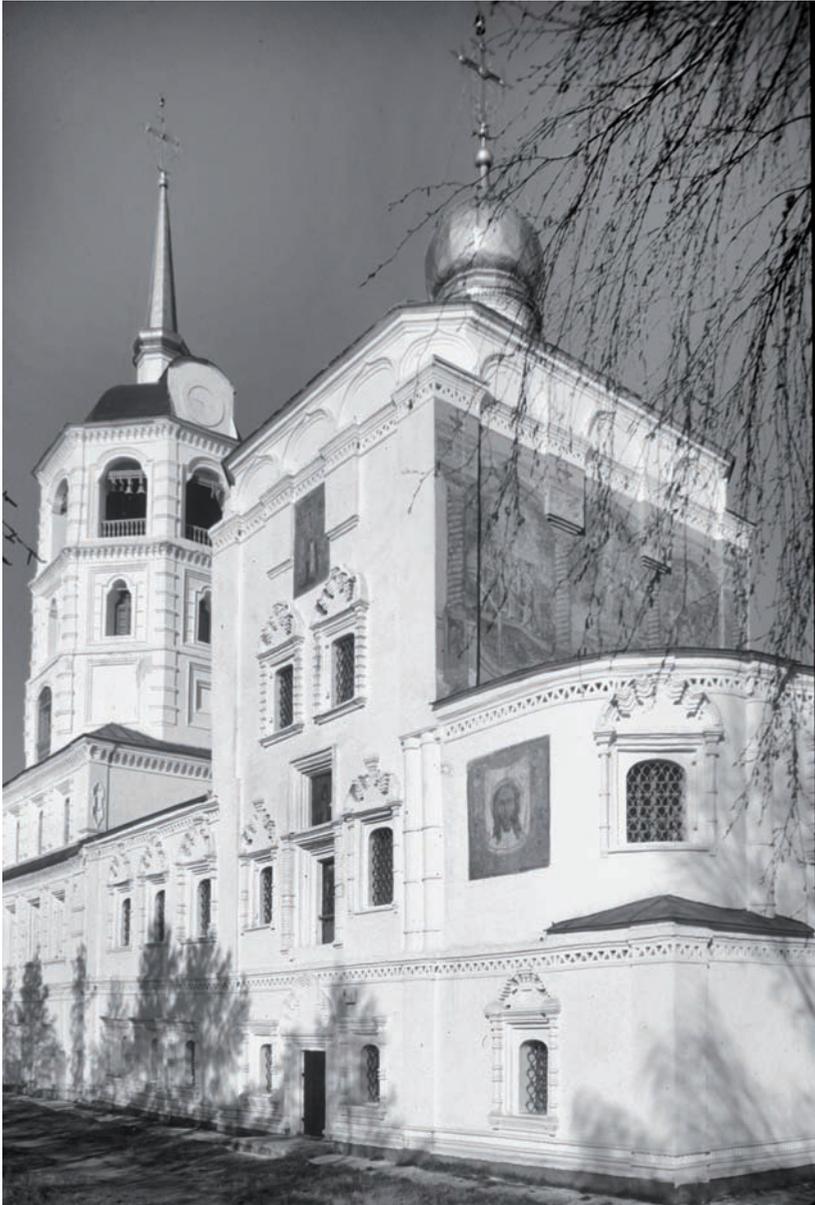
Все фотографии сделаны Уильямом Брумфилдом

Фото 1. Тюмень. Троицкий собор, Троицкий монастырь

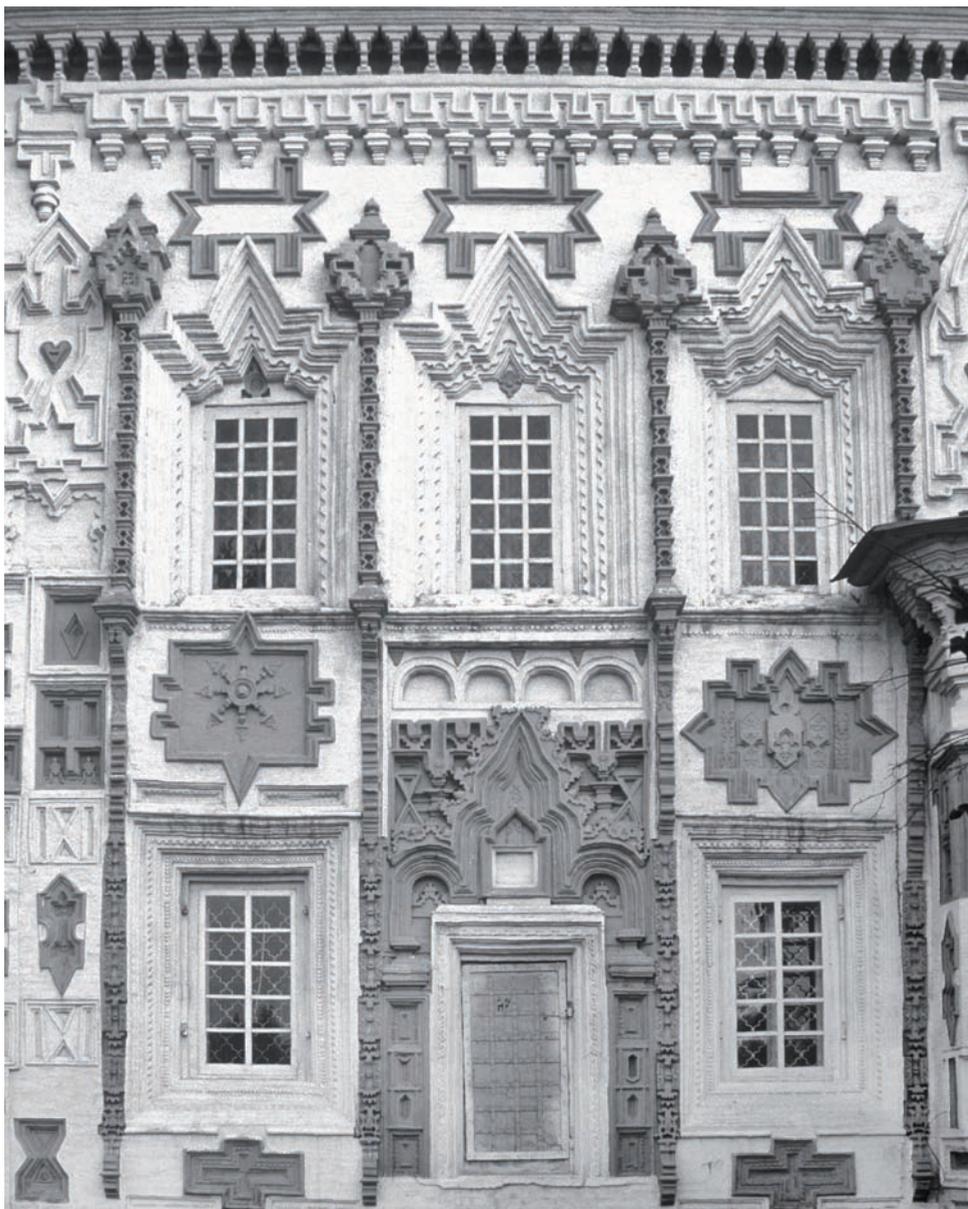
могли распространяться в печатной форме.

Действительно, похоже, этой восприимчивости лишь способствовали высоко орнаментальные стили московской и украинской «барочной» церковной архитектуры, принесенной в Сибирь церковнослужителями и строителями из Украины и Русского Севера в начале XVIII века. [44, с. 311-333] Именно русско-украинская склонность к детальному орнаменту фасада, проявляющаяся в «сибирской барочной» архитектуре на протяжении всего XVIII века, способствовала толерантности в отношении декоративных мотивов из других многочисленных источников, включая храмы и ступы азиатской буддийской культуры. Как будет показано ниже, эти мотивы в некоторых случаях являются чистым вос-

**Фото 2. Иркутск. Церковь Образа Спасителя (Спаса Нерукотворного).
Юго-восточная сторона.**

произведением буддийского искусства. В других примерах, как в случае комплексных круто поднимающихся оконных фронтонов, возможность азиатского происхождения основывается на формальном сходстве с формой ступы. Конечно, происхождение некоторых из этих декоративных фигур может интерпретироваться по-разному, и были примеры ступенчатых завершений окон в русской архитектуре XVII века, например, церковь Двенадцати Апостолов в Московском Кремле. Однако сибирские примеры оконных завершений отличаются своеобразными остроконечными «пламенами»-завершениями. Решающий фактор здесь, на наш взгляд, содержится именно в таксономических деталях. [42, с. 184-193; 50, с. 21-30; 49, с. 21-30; 51, с. 389-392, 402, 405-407]. Более того,

**Фото 3. Иркутск. Церковь Воздвижения Креста.
Северо-восточная сторона.**

присутствие явно буддийских мотивов на фасаде церкви Воздвижения Креста в Иркутске доказывает возможность преемственности восточных и, в частности, буддистских мотивов в сибирском церковном зодчестве XVIII века.

Хотя большинство явных примеров такой тенденции возникло в Восточной Сибири, мы предполагаем, что появление азиатских декоративных мотивов имело место раньше в городах Западной Сибири, таких как Тобольск. Это произошло, возможно, из-за роли «столиц» Сибири, которую Тобольск играл на протяжении XVIII века. Действительно, мы знаем, по крайней мере, один случай, когда одни и те же строители работали в Тобольске и Иркутске на этом раннем этапе церковного

Фото 4. Иркутск. Церковь Воздвижения Креста. Северный фасад.

строительства в Сибири. Например, одно из самых старых исторических сооружений Тобольска Спасская церковь, построенная к северу от кремля в 1709 – 1713 гг., и схожая в некоторых деталях ее современница – Спасская церковь в Иркутске. [12, с. 136-137; 13, с. 152-153] По форме и орнаменту она представляет собою комбинацию московской архитектуры XVII века (геометрически неопределенный наземный план, тяжелая, но визуально впечатляющая кирпичная кладка) и «пламенеющих» (flamboyant) декоративных мотивов.

Самые заметные элементы фасада Спасской Церкви в Тобольске – это высокие стрельчатые сандрики (упоминаемые как «пламенные» из-за сходства их формы с пламенем) над главными окнами. Сходный мотив

Фото 5. Иркутск. Церковь Воздвижения Креста. Южный фасад.

встречается в северо-восточном приделе церкви Троицы в Тюмени (фото 1), построенной в то же время. Хотя здесь еще нет явного проявления этого мотива, основные черты напоминают конусообразную вертикальную форму ступы (субургана) в буддийской архитектуре Юго-Восточной Азии, включая Монголию. Можно даже заметить языки пламени, которые часто окружают голову Будды. [46, с. 166]

Почти все главные сибирские поселения были так или иначе связаны торговыми контактами с восточной Азией, и эта детальная стрельчатая композиция появляется в XVIII в. в церквях по всей Восточной Сибири – от Енисейска до Забайкалья. [16, с. 103] Хотя вопрос влияния прямо и не поднимается у Анатолия Куломзина, статс-секретаря,

**Фото 6. Иркутск. Церковь Воздвижения Креста.
Деталь южного фасада.**

официально отвечавшего за заселение Сибири в начале XX в., эта тема затрагивается. В инспекционной поездке по Забайкалью в 1897 году он обратил внимание на несоответствие между привлекательными буддийскими храмами и грубыми формами построенных второпях русских бревенчатых церквей. Это говорит о том, что русские уже давно заметили существование буддийских храмов на востоке России. [47, с. 33-34]

Восточные мотивы достаточно часто встречаются в церковной архитектуре Иркутска, расположенного на берегах Ангары, притока Енисея. После нескольких попыток основать зимнюю базу на Ангаре в середине XVII в., в 1661 году, на краю Иркутска, в месте слияния Ангары и Иркутска, был заложен деревянный острог. [18, с. 165-66; 29, с. 4-5] Пер-

воначальной целью поселения было установление российской власти и торговля с местными бурятами. В 1668 – 1669 гг. были построены две деревянные крепости, и Иркутск начал быстро расти благодаря выгодному положению. В 1686 г. Иркутск получил статус города с припиской к нему уезда, и вскоре из него потянулись торговые караваны в Китай, который сразу стал источником торговли и культурного влияния для Иркутска. [18, с. 165-166; 40, с. 9-14]

К началу XVIII столетия Иркутск, чья деревянная крепость была перестроена в 1670 г., быстро становится бесспорным центром, административным и коммерческим, Восточной Сибири. Одним из самых явных признаков этого возрастающего значения города стало число каменных церквей, которое делает Иркутск одним из самых выдающихся центров церковного зодчества в Сибири, с которым может соперничать только Тобольск в Западной Сибири. [15, с. 9-26] После Тюмени и Тобольска Иркутск стал в 1700 г. третьим сибирским городом, способным производить много кирпича. [27, с. 14] Богатство их декоративных стилей и разнообразные формы сочетали русские и украинские влияния с мотивами, идущими в некоторых случаях из азиатских, буддийских источников.

Москва, конечно, играла центральную роль в определении форм религиозной архитектуры в Сибири, но и прокладывая себе путь культура Русского севера – таких городов, как Вологда, Тотьма, Великий Устюг и Сольвычегодск – также оказала свое влияние на церкви Иркутска. [24, с. 161-162; 34] Активное строительство в середине XVIII века определило облик города, с его высоко поднятыми куполами церквей, стенами башен, оживленными магистралями, улицами, реками. [19, с. 370-376; 24, с. 168]

Этот процесс сопровождался особой творческой активностью, заметной в таких памятниках XVIII века, как храм Нерукотворного Спаса в Иркутске (фото 2), чей основной план отражает церковную архитектуру Москвы и Ярославля конца XVII века. Это редкий случай, когда авторство установлено. Храм был построен зодчим Моисеем Ивановичем Долгих, потомком московских каменщиков. Опытные каменщики были редкостью в Сибири, и в Верхотурье и Тобольске был учрежден Сибирский приказ, дающий кадры для других сибирских городов. Архивные документы показывают, что Долгих присоединился к одной из самых первых групп подмастерьев, посланных в Сибирь, в Тобольск, в 1687 г. [26, с. 27-28] Десять лет Долгих участвовал в строительстве обширного ансамбля, окружающего Софийский собор в Тобольске, после чего он вернулся в Москву без официального разрешения, работал там пять лет, затем заключил договор с воеводой в Верхотурье. [17, с. 182-183] Оттуда он был послан в 1701 году в Иркутск.

Сооружение Спасского храма, расположенного у южной стены крепости рядом с Ангарой, началось в 1706 году при поддержке воеводы А.И. Синявина и с помощью горожан. В 1710 г. двухъярусное кубовидное здание было закончено, главный алтарь храма был посвящен Варлааму Косовскому, первому архимандриту сибирскому. (Иркутское наместничество было санкционировано в 1706 г., однако эта церковь в Иркутске оставалась подчиненной митрополии в Тобольске. Автономная епархия Иркутска и Нерчинска появилась только в 1727 г. [31, с. 6-7]) Из двух этажей новой церкви нижний использовался традиционным для России образом как склад для мехов и шкур и прочих вещей, пока в 1713 году здесь не был учрежден для зимнего служения второй алтарь, посвященный Св. Николаю. [15, с. 140-141] Элементы главных окон по всем фасадам кульминируют в вертикальных «пламенных» сандриках, как на Спасской церкви в Тобольске. В действительности, это самое раннее появление ступообразных форм в сибирской архитектуре. Доминирую-

Рис. 7. Улан-Удэ. Собор Образа Одигитрии. Южный фасад

щий компонент Спасской церкви в Иркутске появился почти через полвека, после сооружения колокольни на западной стороне трапезы в 1758 – 1762 гг. Ее массивная восьмиугольная форма, которая, литературно выражаясь, «затмевает» остальную церковь, поднимается с кубического основания, где также расположены два алтаря.

Самая замечательная особенность Спасской церкви в Иркутске – ее фрески. Изначально написанные темперой в начале XIX века, а впоследствии переписанные маслом, они располагаются на южном и восточном фасадах. [27, с. 76-80] В то время как на первом написаны лики Св. Митрофана Воронежского, Св. Николая, Чудотворного Образа Спасителя (южный фасад апсиды), восточная стена над апсидой разделена

на три большие сцены: Крестный Ход водосвятия (часто интерпретируемый как крещение бурят), Крещение Христа (в центре) и Канонизация св. чудотворца Иннокентия Кульчитского, первого епископа Иркутска и Нерчинска.

Хотя подобные наружные фрески уникальны для Сибири и, в целом, редки в русской церковной архитектуре, у них есть предшественник – большая наружная фреска Христа Пантократора на восточной стене церкви Св. Дмитрия (1700 – 1709) в Дымковской слободе неподалеку от Великого Устюга. [3, с. 244-246; 4, с. 355; 5, с. 23] Как и везде, в Сибири связей между Великим Устюгом и ранним Иркутском было много, и они основывались не только на вкладе путешественников и умелых мастеровых, но и благодаря влиянию духовных традиций Русского Севера. В этой связи имеет смысл отметить, что в 1703 году поселенцы из Великого Устюга построили одну из первых иркутских церквей, посвященную Св. Прокопию и Св. Иоанну Устюгскому. (Первоначальная деревянная церковь, посвященная иконе святых, принесенной из Великого Устюга, сменилась в середине XVIII века кирпичной постройкой, относящейся к наиболее интересным образчикам Иркутской архитектуры. Вопреки ее официальному статусу, данному ей в 1925 году, церковь была закрыта и в 30-е годы разрушена. [15, с. 137-139]) И хотя Дымковская фреска могла оказать влияние лишь позднее, связь между этими двумя территориями существовала на протяжении всего восемнадцатого столетия.

К середине XVIII века коммерческое значение Иркутска для Сибири достигло нового уровня. Большая часть населения Иркутска было вовлечено в предпринимательскую деятельность того или иного рода, торговля играла все возрастающую роль в развитии города, особенно в отсутствии постоянного местного дворянства. [39, с. 2-10] Хотя администрация Екатерины Великой и правила твердой рукой и обеспечивала выполнение некоторых гражданских обязанностей, Иркутск восемнадцатого века демонстрирует относительную свободу, на фоне которой в некоторых частях Сибири развивалась частная инициатива, в противоположность европейской России с ее менее гибкой социальной структурой, основанной на крепостничестве.

Детали иркутского экономического роста требуют отдельного изучения, но 60-е гг. XVIII века обретают особое значение благодаря строительству Московского, или Большого Сибирского, тракта, сопоставимое с созданием ранее транспортной системы Енисейска. Статус Иркутска как главного административного и экономического центра Сибири был признан образованием Иркутской губернии, включавшей в то время Якутию, Дальний Восток и даже Аляску. А в 1768 году были узаконены ежегодные торговые ярмарки в Иркутске, которые еще более усилили позицию города как центра торговли в Сибири, чьи торговые дела велись на территории от восточных окраин до европейской части России. Хотя Кяхта была истоком, откуда брала свое начало торговля с Китаем, Иркутск был каналом, через который проходили почти все товары, включая чай. [29]

Этот всплеск экономической жизни вел, естественно, к строительству новых зданий, таких как, например, большой Гостиный двор (здание не сохранилось), строительство которого началось в 1778 году по плану, приписываемому знаменитому Санкт-петербургскому архитектору Джакомо Кваренги. Но благополучие Иркутска отражалось и на его церквях, строительство которых поддерживалось купцами с первых дней города. [20, с. 244-246] Они не просто плод финансовой щедрости, ибо особые архитектурные стили Иркутских церквей – и их структуры, и их орнамента – несут в себе аромат как восточного, так и западного культурного потока, соединенных воедино городской торговлей.

Один русский историк, говоря об Иркутске XVIII столетия, отмечал, что торговля обильно финансировала многочисленные постройки целого ряда крупных, богато украшенных храмов, которые в короткое время сменили более старые деревянные церкви. При этом купцы часто руководили строительством церквей, в результате чего художественные достоинства зданий зависели не только от духовенства, но и от купечества. Вкусы же последнего нередко формировались в контакте с народами Сибири и Востока. [24, с. 162]

Эта встреча культур достаточно очевидна в случае одного из наиболее интересных сибирских каменных строений XVIII века, церкви Воздвижения Креста, возведенной в 1747 – 1760 гг. на Крестовой горе. С ее колокольной в западной части и богатыми куполами в украинском стиле над трапезой и главным алтарем на востоке эта церковь даже сейчас остается доминирующим строением в южной части старого Иркутска. (фото 3) Прежде на ее месте стояла деревянная крепость, построенная в 1717 – 1719 гг., посвященная Троице и Св. Сергию Радонежскому. В 1740 году Федор Щербаков, купец, занимавшийся торговлей с иноземными государствами, обратился в епархию с предложением перестроить церковь в камне, но его предложение было отвергнуто. Подобная же петиция Ивана Амосова, местного предпринимателя и искусного мастера, была одобрена церковью в 1746 г. [15, с. 113; 14, с. 382, 384] И хотя документальных свидетельств о лицах, финансировавших строительство храмов, недостаточно, известно, что, по крайней мере, двое сыновей Амосова состояли в гильдии строителей в это время и поэтому, возможно, они и были не только меценатами, но и первыми строителями церкви. [20, с. 67]

Как и у ее деревянной предшественницы, алтарь новой церкви был первоначально посвящен в 1758 году Троице. Другие алтари храма, впоследствии известного как Троицкая церковь, были посвящены Воздвижению Креста, Успению и Св. Сергию Радонежскому. В 1779 г. благодаря дару двух купцов была построена большая часовня, примыкавшая к северному фасаду, а в 1860 г. с западной стороны церкви архитектор Владислав Кудельский возвел обширный притвор. В 1867 г. главный алтарь был посвящен Воздвижению Креста, и церковь была переименована [15, с. 113].

Что касается структурного центра церкви Воздвижения Креста, здесь очевидна связь не только с сибирскими вариациями традиционной православной церковной архитектуры европейской части России (кубообразная структура без внутренних столпов), но и с вертикальными сводчатыми системами украинского барокко. В то же время церковь Воздвижения Креста интерпретирует это наследие в духе традиций церковного зодчества Русского Севера и Урала, от Сольвычегодска до Соликамска и Верхотурья. [21, с. 92-93]

Еще более внимательное изучение орнамента фасадов, заботливо восстановленного, выявляет следы буддистских мотивов, таких как терракотовые образы колеса Дхармы на северных и южных фасадах (фото 4). В обрамлении северного и южного портала также присутствуют сложные ступообразные терракотовые формы. (фото 5) А по углам основной структуры расположены рельефные орнаменты, напоминающие человеческие фигуры с изображением сердца. (фото 6) Хотя источники украинских мотивов не были окончательно определены, похоже, что активная торговля между Иркутском и Китаем сыграла определенную роль в этом храме, воздвигнутом на перекрестке культур. Более того, вполне вероятно, что караванными путями сюда проникли мотивы и индийских храмов. В этой связи не стоит спешить отрицать участие купца Федора Щербакова в строительстве храма, несмотря на его отвергнутое в 1740

году ходатайство.

Русские историки искусства давно обратили внимание на восточный характер Иркутской церковной архитектуры, правда, без сопоставления специфических деталей с их источниками. Игорь Грабарь, например, в своей работе «История русского искусства» (1909) сравнивает фасад Крестовоздвиженской церкви со сложным рисунком восточного ковра. [9, с. 143, 146] Влияние Монгольской и Китайской архитектуры в декоративных деталях, таких как кокошники над окнами, было отмечено Болдыревым-Казанцевом. [2, с. 7] Также известно, что и бурятские мастера принимали участие в церковном строительстве в XVIII веке, [24, с. 167] хотя каменные буддистские храмы на землях бурятов начали появляться только в XIX веке.

Все эти нити, от Украины до Востока, были сотканы в гобелене, называемом иногда «Сибирским барокко». [28, с. 147-160; 2, с. 13-14] Вне зависимости от вопроса о валидности термина, который связан, скорее, со сложным орнаментом фасадов «Московского барокко», стиля конца XVII века, чем собственно с архитектурой барокко центральной Европы и Санкт-Петербурга, это выражение является удобным способом подчеркнуть выраженный орнаментальный характер церковной архитектуры Сибири XVIII века. Даже в самом этом определении содержатся отчетливые региональные отличия, что видно при сопоставлении Тобольских церквей конца XVIII века с церквями того же периода Иркутска.

Элементы этого декоративного стиля также появляются в колокольне церкви Иконы Знамения Богородицы в Знаменском монастыре, одной из древнейших религиозных организаций Иркутска. [36, с. 24-27] Первоначальное строение было, как обычно, деревянным. Церковь была возведена в 1693 г. и перестроена в 1727 г. Спустя три десятилетия иркутский купец Иван Бечевин, пользующийся прибыльной государственной монополией на алкогольные напитки, получил разрешение от консисторской администрации внесения средств на строительство каменной церкви в монастыре. [20, с. 67-68] (Это была, очевидно, третья церковь в Иркутске, построенная на деньги Бечевина, но ему не довелось увидеть ее завершенной. Бечевин стал одной из самых известных жертв Петра Крылова, инспектора по сбору пошлин, посланного из Санкт-Петербурга в 1758 г., пользовавшегося угрозами и силой, чтобы получить большие суммы – около 150 тысяч рублей – у тех из иркутских купцов, которые занимались главным образом торговлей спиртным. [38, р. 22-24]).

Церковь Знаменского монастыря была завершена к 1762 году. Во время двух позднейших перестроек, осуществившиеся также на частные пожертвования, к югу (1770 – 1773) и к северу (1791 – 1794) появились приделы. [15, с. 100] Декор основной кубовидной структуры церкви сочетает зубчатый орнамент карнизов с простым оконным окружением, венчаемым обратными волютами, известными как «завитки» – особенность церковного орнамента конца восемнадцатого века на Урале и Западной Сибири. Восьмиугольная колокольня соответствует традициям иркутского церковного зодчества, однако включает мотив колеса Дхармы на фасадах церкви Воздвижения Креста.

Иркутская церковная архитектура 70-х гг. XVIII столетия продолжала тенденцию стандартизации, которая заметна также в двух очень сходных строениях: церкви Архангела Михаила и церкви Чудотворной иконы Спаса в Урике, большом селе в 18 километрах к северу от Иркутска. Строительство Архангельской церкви, известной также как церковь Св. Харлампия, началось в 1777 году с пожертвования в размере 15 тысяч рублей от купца Василия Балакшина. [15, с. 127; 26, с. 56; 20, с. 70] Хотя строение было обезображено разрушением колокольни и куполов в 30-е гг. XX века барельеф ее фасада по большей части сохранился.

Здесь также присутствуют восточные мотивы, появляющиеся над верхними окнами в декоративных элементах, напоминающих праздничный головной убор местных бурят, но имеющих сходство и с формой ступы. [115, с. 128] Нижняя часть фасада церкви украшена свитками картушей, имеющих большое сходство с элементами в церковной архитектуре Тотмы конца XVIII века. [45, с. 99-103; 6, 282-84]

Спасская Церковь в Урике скромнее по своим размерам и деталям, но ее близкое сходство с Архангельской церковью столь явно, что указывает использование одного и того же проекта. Действительно, строительство Спасской церкви началось летом 1775 года, и она стала прототипом для церкви в Иркутске. Нижний (зимний) алтарь церкви Спаса был освящен в 1779 г., верхний же алтарь (летний) был освящен только в 1796 г. Декоративные мотивы северного и южного фасадов достаточно близки мотивам, использовавшимся в иркутской церкви, и содержат ту же смесь барокко и восточных образцов. Следует заметить, что само село, построенное в месте слияния Урика и Куды, было местом ссылки некоторых декабристов. [155, с. 397-98; 26, с. 136-40; 25, с. 60-65]

Еще одним примером восточных мотивов фасадов церквей в Иркутской области является Церковь Сретения в селе (и остроге) Бельск на Белой реке. Построенная после 1788 г., эта, ныне лишенная крыши, церковь проста по форме (только один ярус), но имеет интересные декоративные панели над главными окнами. Эти панели включают четко обозначенную форму храма в виде ступы. Как бы то ни было, документальные свидетельства, объясняющие присутствие этих форм у сельской церкви обнаружены не были. [15, с. 189] Та же форма появляется в Иркутской церкви Троицы, построенной во второй половине XVIII века и посвященной в 1778 г.

Окончание следует

Литература

1. Артемьев, А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII вв. Владивосток: ДВО РАН, 1999.
2. Болдырев-Казанцев Д.А. Народное искусство Сибири // Сибирская живая старина. Сб. 2. Иркутск, 1924.
3. Бочаров Г., Выгулов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотма. М.: Искусство, 1983.
4. Брумфилд У. Великий Устюг: Взгляд через объектив американского ученого-фотографа // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Т.2. Вологда: Легия, 2000. С. 350-356.
5. Брумфилд У. Святые Русского Севера. Вологда: Арника, 2001.
6. Брумфилд У. Памятники церковной архитектуры Тотемского района // Тотма: Краеведческий альманах. Т.3. Вологда: Легия, 2001. С. 278-285.
7. Буконина Г.Ф., Гринберг Ю.И., Шумов К.Ю. Покровская церковь в Красноярске – памятник архитектуры XVIII века // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. С. 314-321.
8. Гнедовский Б.В., Добровольская Э.Д. Вверх по Енисею. М.: Искусство, 1980.
9. Грабарь И.Е. История русского искусства. Т.2. М.: Кнебель, 1909.
10. Гурьянов В.К. По Большой, Большой Николаевской. Улан-Удэ: БНТс СО РАН, 1998.

11. Единархова Н. О чае и чайной торговле // Земля Иркутская. 1996. № 5. С.17-18.
12. Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. М.: Искусство, 1987.
13. Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества. СПб.: Стройиздат, 1995.
14. Калинина И. Культовое православное зодчество // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск: ВСКИ, 1993.
15. Калинина И. Православные храмы Иркутской епархии. М.: Галарт, 2000.
16. Кириллов В.В. Тобольск. М.: Искусство, 1984.
17. Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII-XVIII вв. Новосибирск, 1979.
18. Копьев А.Н. О дате основания Иркутска // История СССР. 1960. № 4.
19. Корзун А.В. Особенности культовой архитектуры Иркутска // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск: ВСКИ, 1993. С.370-376
20. Крючкова Т. Усердием и капиталом. О меценатстве при строительстве Иркутских церквей // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 66-75.
21. Лукомский Г. Памятники старинной архитектуры России // Наша провинция. СПб., 1916.
22. Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск: Наука, 1983.
23. Митыпова Е.С. Православные храмы в Забайкалье (XVII – нач. XX вв.). Улан-Удэ: БГУ, 1997.
24. Огли Б.И. Архитектурные памятники Иркутска XVIII-начала XIX вв. // Архитектурное наследство. 1979. № 27. С.161-169.
25. Перцева Т. Письма из Урика // Земля Иркутская. 1996. № 6. С. 60-65.
26. Полунина Н. Живая старина Приангарья. М.: Искусство, 1990.
27. Полунина Н. У истоков каменного града. Иркутск: ВСКИ, 1979.
28. Проскурьятова Т.С. Особенности сибирского барокко // Архитектурное наследство. 1979. № 27. С.147-160
29. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII-первой половины XIX в. Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск, 1993
30. Резун Д. По поводу даты основания Иркутска // Земля Иркутская. 1994. № 1. С.4-5.
31. Романцева Т. Духовный вертоград Сибири // Земля Иркутская. 2000. № 14. С.6-7
32. Рукша Г.Л., Быкония Г.Ф., Дроздов Н.И. и др. Памятники истории и культуры Красноярского края. Т.1. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989.
33. Румянцев Г.Н. Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Улан-Удэ: [б. и.], 1960
34. Серебренников И.И. О старинных домах и церквях в Иркутской губернии. Иркутск, 1915
35. Тиваненко А.В. Удинский острог: первое столетие Улан-Удэ. Улан-Удэ: БНТс СО РАН, 1995
36. Торшинина Т. Знаменский монастырь // Земля Иркутская. 1998. № 10. С.24-27
37. Царев В.И., Крушлинский В.И. Красноярск: история и развитие градостроительства. Красноярск: Кларетианум, 2001
38. Чернявская О. Из истории винокурения в Иркутской губернии // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 22-24
39. Шахеров В. Для пользы сообщества достаток источая // Земля Иркутская. 1996. № 5. С.2-10.
40. Шахеров В. Реформатор из Иркутска (Жизнь и взгляды иркутского купца Федора Щегорина) // Земля Иркутская. 1994. № 1. С.9-14.
41. Bell J. A Journey from St. Petersburg to Peking (1719-22). N.Y.: Barnes and Noble, 1966

42. Brumfield W.C., A History of Russian Architecture. Cambridge: Cambridge University Press, 1993
43. Brumfield W.C. Photographic Documentation of Architectural Monuments in the Irkustk Region of Eastern Siberia: Visual Resources, 19 (2003) 2:107-147
44. Brumfield W.C. Photographic Documentation of Architectural Monuments in Siberia: Tiumen Province: Visual Resources, 16 (2000) 4:309-50.
45. Brumfield W.C. Photographic Documentation of Architectural Monuments in the Russian North: Vologda Province: Visual Resources, 14 (1998) 1:71-106.
46. James, C.Y. China: Dawn of a Golden Age, 200-750 AD. New York: Metropolitan Museum of Art, 2004.
47. Marks S. Conquering the Great East // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1995. P.33-34
48. Metcalf T.R. An Imperial Vision: Indian Architecture and Britain's Raj. Berkeley: Univ. of California Press, 1989
49. Mitra D. Buddhist Monuments. Calcutta: Sahitya Samsad, 1969
50. Rowland B. The Art and Architecture of India. Harmondsworth: Penguin Books, 1953
51. Sickman L., Soper A. The Art and Architecture of China. Harmondsworth: Penguin Books, 1971